

Первых Д.К.

УДК 008:070-057.68 “1853/1856”

**КРЫМ В ЗАПИСКАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
(по материалам журнала «Современник» 1853 – 1856 гг.)**

Теория и практика литературно-публицистических жанров «путешествие», «путевые заметки», «путевые очерки» становились предметом изучения многих исследователей журналистики и литературы (А. А. Тертычный [12], Е. И. Журбина [3], В. М. Горохов [2], Е. П. Прохоров [9], Б. Агапов [1] и др.). При этом история возникновения и функционирования жанра занимает несколько периферийное положение, исключение в этом смысле составляют книга Н. М. Масловой «Путевые записки как публицистическая форма» [4], работа В. А. Михайлова «Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII – XIX веков» [5] и некоторые другие. «Путешествия» периода Крымской войны никогда не становились материалом специального исследования культурологов, а между тем представляют собой уникальное сочетание военной публицистики, богатого этнографического, культурологического материала, соединившего в себе несколько разных жанров: путевой очерк, заметку, зарисовку, путешествие. Цель статьи – раскрыть культурообразующую функцию жанра «путешествие» на примере путевых заметок и очерков о Крыме, появившихся в прессе в период Крымской войны. Предметом анализа становятся «путешествия» по Крыму и России, опубликованные в журнале «Современник» в 1853 – 1856 гг.: «Путешествие из Петербурга в Крым и обратно» Д. М. Перовщикова, очерк «Из крымских заметок» Н. В. Берга и «путевые записки» офицера английской армии А. Ройера «Пленные англичане в России».

В задачи исследования входит: проанализировать жанровые, исторические, культурологические, этнографические характеристики «путешествий»; комментировать логику использованных авторами и редакторами принципов подачи такого материала, выявить особенности функционирования жанра «путешествие» в годы Крымской войны, объяснить феномен высокой популярности «путешествий» у читателей в военное время.

Жанр «путешествие» в середине XIX века, даже во время Крымской войны, оставался популярным в литературе и публицистике. Достаточно сказать, что только журнал «Современник» за 1853 – 1856 гг. опубликовал: «Живописное путешествие в Южную и Северную Америку» в переводе П. А. Корсакова; «Письма русского путешественника» (б/а) [10, т. 37–39]; «Переезды по России в 1852 году» В. Мельницкого [10, т. 39–40]; «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» П. М. Шпилевского [10, т. 52]; отрывки из путевых записок И. А. Гончарова «От мыса Доброй Надежды до Явы» [10, т. 53]; «Месяц в лагере» (A Month in the Camp, etc. by a non-combatant) – «путешествие» молодого английского адвоката, проводившего каникулярное время под Севастополем [10, т. 50] и др.

В годы Крымской войны в Европе особенно возрос интерес к России, в России – к Крыму и, как следствие, – к истории, мемуарам, путевым заметкам о Крыме. Одним из ценных на тот период становится путешествие, совершенное осенью 1852 г. академиком, профессором Московского университета, математиком и литератором Д. М. Перовщиковым. В результате, через год, в журнале «Современник» появился его очерк «Поездка из Петербурга в Крым и обратно» [10, т. 37].

Очерк интересен описанием внешности местных жителей, их быта, городов и имений, встреченных автором на пути. Особую важность представляет описание дорог, так как именно по этим дорогам через год в Крым будут идти войска, а из Крыма – тянуться повозки с ранеными. Лишь из Петербурга до Москвы автор добирался поездом, а дальше на перекладных (в то время как в Англии и Франции была широкая сеть железных дорог – Д. П.). «От Орла до Крыма в ненастное время дороги очень затруднительны, ни в городах, ни на почтовых станциях нет порядочных гостиниц <...>. За две станции до Перекопа началась непроезжаемая грязь». «Между Перекопом и Симферополем лежит плоская степь, совершенно безводная <...>, при станциях вырыты колодцы, воду достают из них посредством ведра» [10, т. 37, с. 6–7].

Бахчисарай показался путешественнику «большим» и «многолюдным»; дома расположены беспорядочно уступами по обеим сторонам лощины, между ними вместо улиц извиваются узкие тропинки, по которым можно пройти пешком или верхом на лошади, в городе – «до шести мечетей». Скорее всего, столько мечетей путешественник сосчитал, двигаясь по улице к Чуфут-Кале. По сведениям протоиерея Михаила Родионова, – пишет М. В. Сухарев, – в 1849 г. в Бахчисарае действовало 33 мечети [11, с. 213].

Сквозь город проходит одна улица – Базарная, похожая больше на коридор, которую автор называет «образцом или типом азиатских городов». Она состоит из одноэтажных и двухэтажных небольших домов, сложенных из нетесаных камней в деревянных рамах. Почти при каждом доме – лавка или рабочая, где можно увидеть «чеботаря, кузнеца, медника, кожевника, слесаря, шубника, шорника, хлебника, харчевника, мясника, табачника и фруктовщика, занимающихся своими ремеслами». Восточный колорит Крыма поразил столичного гостя. Например, татарских женщин Перовщиков называет «привидениями»: они закутаны «в белые покрывала с головы до ног, обутых в сафьянные башмаки», носят повязки на лице, «так что незакрытыми остаются одни глаза, осененные черными густыми бровями и ресницами» [10, т. 37, с. 12].

Далее – описания Ханского дворца и Чуфут-Кале (в очерке – Чуфум-Кале). Успенский монастырь путник называет «Успенской пустыней» и передает его историю. Церковь и кельи «весьма бедны, а «отшельники ведут самую суровую жизнь, требующую полного самоотвержения». Добавим, что Успенский

скит был открыт в скале на окраине Бахчисарая в августе 1850 г. Через два месяца архиепископ Иннокентий докладывал Синоду, что «пребывание в новом ските по малому числу и тесноте пещерных келий дозволено на первый раз не более 6-ти инокам под надзором <...> архимандрита Поликарпа». Осенью 1852 г., – по свидетельству Перевошикова, – в пустыни жили восемь русских монахов и настоятель. Численность служащих быстро увеличивалась и в июле 1857 г. в монастыре служили уже 16 монахов. К этому времени на территории скита были сооружены настоятельский и трапезный дома.

Бахчисарайский монастырь не имел финансовой помощи со стороны государства. Его обустроивали за счет пожертвований. В 1850-е гг. пользу скита была отмежевана земля в количестве 13 десятин 2222 сажень, где монахи высадили огород и фруктовый сад, – пишет М. В. Сухарев. В годы Крымской войны цены на землю на полуострове снизились. Пользуясь этим, скит купил два смежных с территорией монастыря сада: «один – у караима, другой – у татарского муллы». Впоследствии Бахчисарайская Дума отмежевала Успенскому монастырю еще два земельных участка. В итоге в 1857 г. общая площадь Бахчисарайской обители составляла более 30 десятин земли с двумя фруктовыми садами и виноградной плантацией [11, с. 214].

Севастополь произвел впечатление «великолепного» и неприступного города: «Он разделен многими бухтами, обширными и спокойными, окружен многочисленными батареями: нападение невозможно», – пишет Перевошиков, явно намекая на сложившуюся политическую ситуацию в преддверии разгара Крымской войны [10, т. 37, с. 18]. Здесь же описание строений довоенного Севастополя (Дом благородного собрания, Публичная библиотека, Адмиралтейство, Арсенал, театр). По данным «Новороссийского календаря» на 1851 г. в городе числились тридцать тысяч мужчин и всего пять тысяч женщин. Добавлю, что в сентябре 1854 г., когда союзная армия Англии, Франции и Турции высадилась под Евпаторией и направилась к Севастополю, на защиту города вышел буквально каждый житель – 25 тысяч моряков и семитысячный гарнизон. По пути от Георгиевского монастыря до Балаклавы отмечено существование военных греческих поселений. Далее путь лежал на Южный берег.

Любопытное описание симферопольского высшего общества, состоящего из «служащих в различных местах губернского правления». Это общество образованно, – подмечает путник, – связано взаимною приязнью и гостеприимно: «Все живут умеренно, но с комфортом; нет ни роскоши, ни провинциализма; здесь покойный Гоголь не мало бы нашел предметов для своих картин; он, может быть, пошутил бы над дамами, <...> молодыми, умными и прекрасными, но беспрестанно упражняющимися во французском языке». «Странно! Все народы и во всех слоях общества говорят на своих языках; только в России природный язык считается иногда как бы иностранным», – рассуждает Перевошиков, будто невзначай намекая на русско-французские культурные связи [10, т. 37, с. 33]. Пройдет несколько месяцев и две нации станут врагами, встретившись лицом к лицу на *поле боя*.

В 1856 г., сразу после окончания Крымской войны, в «Современнике» появился большой материал «Из Крымских заметок» журналиста, писателя и переводчика Н. В. Берга. По тексту узнаем, что автор – офицер русской армии, участвовавший в Севастопольской обороне и хорошо знающий расположение бастионов. Однако его заметки посвящены не воспоминаниям, а послевоенным событиям и впечатлениям. Содержание сводится к следующему. После заключения мира, когда союзные войска еще стояли в Крыму, сложилась достаточно уникальная обстановка: бывшие противники, уже вовсе не чувствуя себя противниками, несколько месяцев «сосуществуют» вместе в Крыму, встречаются, приветливо разговаривают (в основном по-французски), путешествуют. Так, французский полковник Бодуен, тоже воевавший под Севастополем, теперь в сопровождении Берга совершает поездку из Бахчисарая в Симферополь, Карасубазар, Феодосию, через горы – к Мангуп-Кале, в Байдары, в Балаклаву и возвращается в Севастополь. Таким образом, записки Берга больше напоминают не просто очерк, а настоящее путешествие, правда, в необычных для путешественника условиях [10, т. 58].

Записки Берга имеют не только историческое, но культурологическое и краеведческое значение, так как содержат картины послевоенного Крыма, описания внешности местных жителей, их костюмов, обрядов, быта; картины городов и улочек; домов и дворцов, многие из которых являются сегодня памятниками культуры. К тому же в записках приводится большое количество реальных исторических имен (русских, французских, английских, турецких) – важный фактический материал для краеведа. Очерк обладает необычайной панорамностью, необыкновенной содержательной и психологической емкостью, эпичностью. Слово «панорамность», кстати, встречается у Берга. Он рассказывает, как ему во французском лагере встретился фотограф-француз, прославившийся во Франции своими панорамами (скорее всего, Берг имел в виду фотографа Анри Дюрана-Браже). Берг пишет, что француз делал панораму севастопольской стороны, но делал хладнокровно, в точности не зная названий высот, на ходу их уточняя. А для Берга каждая увиденная фотография француза – целый поток воспоминаний, ассоциаций, боли. В этой эмоциональной глубине, которая улавливается подстрочно, а не высказана в стандартных формулировках, заключается культурологическая ценность записок Берга.

Надо сказать, что французу Бодуену всюду в Крыму обеспечивалась приветливая встреча. В некоторых случаях «гостеприимность» даже настораживает читателя, так как война проиграна Россией и с момента подписания Парижского мирного договора не прошло и полугодия. В Симферополе путешественники остановились в гостинице Таврида (ее хозяин – бывший севастопольский маркиз Александр Иванович Серебряников), располагавшейся в доме султана Крым-Гирея [10, т. 58, с. 132–135]. В Карасубазаре Берга и Бодуена гостеприимно встречал в своем доме городничий Звенигородский, гости были в восторге от его дочери, образованной и хорошо игравшей на пианино. Повсюду их любезно принимали в своих домах татары, сытно кормили.

Можно предположить, что гостеприимство по отношению к бывшему противнику – неслучайно. Излишнее радушие просматривается и в очерке попавшего в плен к русским старшего лейтенанта английского фрегата «Тигр» Альфреда Ройера – «Пленные англичане в России», опубликованном в «Современнике» в 1855 г. [10, т. 52–54]. Фрегат «Тигр» сел на мель под Одессой, и вся команда была взята в плен. Часть пленников обменяли на русских, а нескольких, в частности Ройера, после прохождения карантина, отправили из Одессы в Петербург для встречи с царем. Сначала пленники ехали на перекладных, а после из Москвы – поездом через города и деревеньки русской глубинки. И хотя поездку пленников по России нельзя назвать классическим путешествием, однако их благополучный переезд вполне можно отнести к путешествию, правда, незапланированному, а оттого еще более экзотичному. Свой рассказ Ройер также выдерживает в жанре «путешествия», позволяющем вводить в повествование даты, факты, описания и рассуждения самого разностороннего характера, не снабжая их комментариями: что увидел, услышал, вспомнил, то и записал [8].

Заметки Ройера уникальны не столько описанием российских городов, быта, характера русских, сколько тем, что передают впечатления иностранца, пришедшего в Россию с войной. Надо сказать, что на фоне разворачивающейся Крымской кампании антироссийские настроения союзников усилились. Например, в 1854 г. английские газеты писали, что против России можно идти «с луком и стрелами» [10, т. 46, с. 151]. Незнание России породило множество слухов и домыслов. Во Франции была поставлена историческая драма, в которой Петр Великий являлся на сцене «в чалме с пером и в бархатном халате с галунами» и жаловал Меншикова «не только в князя, но даже в Долгорукие» [10, т. 51, с. 65].

Очерк А. Ройера, напротив, неожиданно опровергает многие стереотипы о России и выглядит убедительным, потому что написан пленником, по логике вещей не слишком дружелюбно настроенным ко всему русскому. Впечатления Ройера настолько положительные, что невольно закрадывается мысль о хорошо спланированном русскими политическом ходе: оказывать иностранцам максимальное гостеприимство, чтобы произвести на иностранца положительное впечатление.

Например, понятие «плен» с трудом увязывается с положением англичан: им были предоставлены такие условия, которых не имели русские военные. Пленным разрешалось гулять по окрестностям карантина, предоставлены комфортабельные комнаты, повышено довольствие [10, т. 52, с. 207]. Русские власти не препятствовали и общению пленных с соотечественниками; цензура не конфисковала даже оружие, присланное из Англии. Изъяли только газеты, иллюстрации и книги. О своем пребывании в карантине Ройер пишет с благодарностью к властям и состоятельным местным жителям, угощавшим англичан хлебом, пирожными и даже вином.

На мысль о хорошо продуманном политическом ходе наталкивает известный факт формирования российским правительством национального имиджа страны. В частности, известно, что путешествие по России французского писателя А. Дюма (в 1858 – 1859 гг.) проходило под надзором III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в одну из задач которой входило наблюдение за иностранцами [7]. Можно предположить, что дипломатия российского правительства коснулась и Ройера, а позже и попутчика Берга француза Бодуена.

Нашу мысль подтверждает и детально описанный Ройером почетный прием англичанина у самого российского Императора, который, в знак примирения, счел нужным подарить иностранцу шпагу и выразил надежду, что не увидит Ройера среди врагов России. Закономерно возникает вопрос: в знак какого примирения, ведь война была в самом разгаре? А военный министр и вовсе, якобы невзначай, взял с англичанина обещание «отзываться о русских хорошо» и постараться уверить соотечественников, что русские «не такие варвары, какими их описывают в газетах» [10, т. 54, с. 134]. Надо сказать, что «разыгранного» гостеприимства сам Ройер не заметил, иначе вряд ли его воспоминания были бы столь положительными.

В заключение скажем, что путевые заметки о России пользовались в Европе популярностью. Так, в период русско-афганского конфликта (1885 г.) русскому писателю и журналисту А. Н. Молчанову довелось побывать в Лондоне. Во всемирно известной британской библиотеке «Mudie's select library» Молчанов поинтересовался: «Какие книги о России пользуются в Англии наибольшим спросом?». Ему указали на две: «Пленные англичане в России» А. Ройера и воспоминания английского капитана Купа «A prisoner of war Russia» (в переводе с англ. «Военнопленные России»), попавшего в плен к русским в разгар Русско-турецкой войны (1877 – 1878 гг.).

После в «Историческом вестнике» выйдет статья Молчанова, где он напишет: «Воинственные консерваторы Великобритании» собирались побеждать Россию, а «английское общество задавалось несравненно более скромным вопросом: «Каково живется в плену у России?», и читало записки своих компатриотов» [6].

«Путешествия» о Крыме и России в период Крымской войны были чрезвычайно востребованы читателем. Сегодня путевые заметки Д. М. Перевощикова, Н. В. Берга, А. Ройера представляют собой уникальные раритетные тексты, соединившие в себе историографические, этнографические и культурологические материалы. Базируясь по закону жанра преимущественно на впечатлениях авторов, «путешествия» являются достоверными источниками сведений о «бытовой культуре», обычаях, традициях народов, населявших Крым в середине XIX в. (русских, крымских татар, караимов, цыган, греков и др.). Проанализированные путевые очерки позволяют нам предположить, что «путешествия» иностранцев уже в период Крымской войны проводились под тотальным контролем российских властей, что наталкивает на

мысль о продуманном формировании государством позитивного национального имиджа России в глазах иностранцев.

Источники и литература:

1. Агапов Б. Хозяйство документалиста // Вопросы литературы. – 1960. – №11. – С.165 – 170
2. Горохов В. М. Закономерности публицистического творчества / В. М. Горохов. – М. : Мысль, 1975. – 245 с.
3. Журбина Е. И. Теория и практика художественно-публицистических жанров / Е. И. Журбина. – М. : Мысль, 1969. – 399 с.
4. Маслова Н. М. Путевые записки как публицистическая форма / Н. М. Маслова. – М. : Изд-во МГУ, 1977. – 115 с.
5. Михайлов В. А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII-XIX веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – «Русская литература» / В. А. Михайлов. – Волгоград, 1999. – 199 с.
6. Молчанов А. Н. Пленные англичане в России / А. Н. Молчанов // Исторический вестник. – СПб., 1886. – Т. 23. – № 1. – С. 180-194.
7. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века / В. В. Орехов. – Симферополь : Симферопольская городская типография, 2008. – 200 с.
8. Первых Д. К. Из Одессы – в Петербург: впечатления пленного англичанина / Д. К. Первых // В зеркале путешествий : материалы междунар. науч. конф. «Родная земля глазами стороннего наблюдателя. Заметки путешественников о Тверском крае». – Тверь : СФК-офис, 2012. – С. 143-151.
9. Прохоров Е. П. Публицистика в жизни общества / Е. П. Прохоров. – М. : МГУ, 1968. – 102 с.
10. Современник : лит.-полит. журнал, изд. с 1847 г. И. Панаевым и Н. Некрасовым. – СПб. : Тип. Главн. Штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1853 – 1856.
11. Сухарев М. В. Обустройство православных монастырей в Крыму в 50-е гг. XIX в. / М. В. Сухарев // Культура народов Причерноморья. –1999. – N 6. – С. 213-217.
12. Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 320 с.